

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 801.731 ББК 83.3(2=411.2) DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.017

Д. М. Буланин

ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. dmitriibulanin@yandex.ru

НАД СТРАНИЦАМИ «ПЕРЕВОДОВ ЖИДОВСТВУЮЩИХ»

(The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-Century Ruthenian Translation from Hebrew / Critical Edition of the Slavic Texts Presented alongside their Hebrew Sources with Introduction, English Translation, and Commentary by M. Taube. Jerusalem, 2016. – 724 p.; The Secret of Secrets: The East Slavic Version / Introduction, Text, Annotated Translation, and Slavic Index by W. F. Ryan and M. Taube. London, 2019. (Warburg Institute Studies and Texts. Vol. 7). – 528 p.)

Почти одновременно вышли в свет давно ожидавшиеся издания «Логики жидовствующих» и «Тайной Тайных», произведений, которые традиционно связываются с деятельностью новгородских и московских еретиков конца XV в. («жидовствующих», как их прозвали обличители ереси). Издания суть плоды многолетних трудов ученых-энциклопедистов М. Таубе и В. Райэна, занимавшихся осмыслением двух сложнейших для понимания сочинений, которые были переведены с еврейского на западнорусский. В первоизданном виде ни один, ни другой перевод не сохранились. Опубликованные тексты представляют собой виртуозно выполненные реконструкции важнейших памятников восточнославянской письменности XV в.

Ключевые слова: переводы с еврейского языка, ересь «жидовствующих», критическое издание, принципы реконструкции

Перед нами два внушительных тома, подготовленных учеными с мировым именем, эрудитами и полиглотами, привлеченными к сравнению с публикуемыми текстами параллели на еврейском, арабском, латинском, греческом, немецком, польском языках. Тома по праву можно назвать *opera magna*: М. Таубе и В. Райэн в течение многих лет работали над историей двух сложнейших для изучения памятников славянской средневековой письменности, каковыми являются переведенные с еврейского языка «Книга глаголемая Логика» и «Тайная Тайных». Памятники эти издавна признаются самыми самобытными и информативными составляющими в так называемой «литературе жидовствующих». Так определил в свое время А. И. Соболевский продукты книжной деятельности, которые зачисляют на счет русских еретиков конца XV в., прозванных их обличителями «жидовствующими» [Соболевский, с. 396–436]. Процесс осмысления объектов исследования занял много лет, так что и Таубе, и Райэн успели уже в предшествующих изданиях статьях познакомить медиевистов со своим взглядом на культурный контекст, вызвавший к жизни нестандартные для книжности Древней Руси переводы и компиляции, осветить частные подробности, касающиеся состава «Логики» и «Тайной Тайных», взаимоотношение их с еврейскими источниками, отдельные их списки и т. д. Теперь мы дождались итоговых трудов, каждый из них включает исследование соответствующего произведения, его издание, с учетом вариантов в разных списках, с переводом обоих

текстов на английский язык, «Логики» также и на еврейский, с подробнейшими языковыми и реальными комментариями, наконец, словарь с перечнем словоупотреблений, включающий, кроме того, еврейские эквиваленты к каждой лексеме; к изданию «Логики» приложен, сверх перечисленного, англо-славянский (западнорусский) словарь специальных терминов. Генетическим, возможно, и функциональным родством произведений оправдано то, что их издания рецензируются ныне одновременно. Поскольку же принципы публикации во многом сходны и в значительной мере predetermined общими у издателей представлениями об исторической обстановке и профессиональной среде, где явились на свет обсуждаемые памятники, удобнее будет начать с этих самых представлений. Они отчасти выросли из концепции Т. Зеебома, предложившего собственное толкование еретического движения и обосновавшего это толкование в монографии 1977 г. [Seebohm].

Начиная с 1450-х гг. в Киеве развернул интенсивную книжную деятельность ученый еврей Захария бен Аарон га-Коген. Сохранился целый ряд рукописей, частично им переписанных, частично снабженных его объяснениями. Вопреки господствовавшим тогда среди евреев Восточной Европы фундаменталистским и мистическим настроениям, Захария был в значительной мере сторонником рационалистической философии, опирался на аристотелевское наследие, каким его препарировал знаменитый еврейский ученый XII в. Моисей Маймонид, в свою очередь, продолжавший традиции арабских перипатетиков. В тот же примерно исторический период в Московском государстве происходило становление нового сословия дьяков, представители которого склонны были по роду своих занятий опираться не столько на откровение, сколько на эмпирические знания. Этот круг людей был более других слоев общества восприимчив к мирским наукам. Для наиболее авторитетных в московской политике дьяков, а отчасти, возможно, и для членов семьи великого князя, и предназначались переводы с еврейского на славянский язык. Важной персоной при московском дворе был во второй половине XV в. дьяк Федор Курицын, который, как полагают создатели пересказываемой концепции, проезжая через Киев, вполне мог оставить заказ на переводы с еврейского интересовавших его произведений. Переводы являются плодами сотрудничества начитанного еврея из Великого княжества Литовского, скорее всего, самого Захарии, который диктовал перелагаемый им прямо с листа текст, и местного грамотея-христианина, который получившийся на выходе результат этих трудов записывал. Такой технологией и участием в работе носителей разных языков объясняется смешение стихий, выделяющееся в данном комплексе переводов, где западнорусская «мовь» дополнена полонизмами, разбавлена редкими церковнославянизмами, а кроме того, насыщена семантическими и даже лексическими гебраизмами. Кое-где отыскиваются еще и остатки арабского субстрата. В процессе перевода деформировалось и содержание исходных текстов, причем из них устранялись все реликты мусульманства, перешедшие в еврейские версии из арабских источников, а также выражения, которые в христианской среде могли быть восприняты как следы чужой монотеистической религиозной системы, несовместимой с православной догмой о едином Божестве в трех лицах. В целом задача заключалась в том, чтобы представить иудейскую веру в привлекательном виде для христианского читателя. В соответствующем направлении и трудился Захария со товарищи. Однако же непосредственный толчок к распространению элементов иудейской религии на Руси, по-видимому, дали не ученые писания, сотворенные последователями Маймонида, а теории киевского мистика Моисея бен Якоба, провозгласившего, что искупление получают прежде не прирожденные иудеи, а прозелиты. На эту роль и готовились православные христиане. С таким учением Моисея Киевского связаны были его вычисления года, назначенного иудеям для явления Мессии, расчеты, которые на Руси отозвались в календарных спорах, разгоревшихся по поводу ожидавшегося в 1492 г. конца света. Существенным моментом

в рассматриваемом научном построении является позаимствованный у Зеебома тезис о двух этапах еретического движения на Руси. Оно зародилось в Новгороде в довольно темных слоях общества, между низшими членами клира, где ересь с отзвуками иудейства обнаружил в 1487 г. архиепископ Геннадий. Когда же главных еретиков взял под свое покровительство Иван III, вольномыслие, переместившееся в Москву, получило новый импульс развития – теперь уже в среде более образованных и любознательных людей, тех, что были связаны со двором (*Bildungsbewegung: The Logika*, p. 44–45). В 1504 г. ересь искоренили, а переводы, «выписанные» из Литвы Курицыным, те из них, что удержались в московской письменности, но были малопонятны для здешних не подготовленных к такому чтению книжников, стали предметом их самостоятельного осмысления. Семантика, предусмотренная киевскими переводчиками для редких слов и непривычных словосочетаний, нередко менялась, общий смысл, естественно, тоже утрачивался.

В наши задачи не входит давать критическую оценку представленному вкратце построению, которое кристаллизовалось постепенно [Таубе, 2005] и которое, конечно, основано на многих допущениях и несвободно от внутренних противоречий. Все же, как представляется, оно вправе занять законное место в ряду других попыток объяснить новгородско-московскую ересь, щедро разбавленных конспирологией: кто видит корни ереси в волнениях, порожденных утратой Новгородом самостоятельности, кто делает акцент на борьбе придворных партий в Москве, при активном участии греков-униатов, кто связывает этот исторический эпизод с политическими притязаниями киевских князей Олельковичей, и др. Стоит все же предостеречь от скоропалительных выводов. Несмотря на сенсационные открытия Таубе, которые позволили ему увидеть за намеками обличителей еретиков тонкие нити, связывающие здешних инакомыслящих с подвизавшимися за литовским рубежом учеными евреями (ср. отождествление легендарного ересиарха Схарии с Захарией, интерпретацию «Лаодикийского послания» как *сорита* – цепочки умозаключений, извлеченной из перевода «Тайной Тайных»), несоответствие между пунктами обличений и содержанием «переводов жидовствующих» остается в силе. Последние не содержат в себе ничего еретического, во всяком случае, того, что вызвало гнев обличителей. Суждения Я. С. Лурье, признанного эксперта по ереси, безусловно, нуждаются в поправках, но его конечный вывод об отсутствии еврейского элемента в программе «жидовствующих» рано еще сдавать в архив, как не раз предлагали адепты приведенной теории [Лурье, с. 75–203]. История учит, что за «ересью» часто стоит только желание гонителей отыскать эту «ересь» и обличить для поднятия собственного авторитета (или авторитета поддерживающей гонителей власти). Это понимал уже Артемий Троицкий, как известно, заявивший на соборе 1553–1554 гг. о «жидовствующих»: «Сожгли Курицына да Рукавого и нынеча того не ведают, про что их сожгли». Соболевский считал вопрос о сущности ереси конца XV в. неразрешимым в принципе.

Согласно картине, какой она рисуется в воображении Таубе и Райэна, осуществленные Захарией переводы изначально адресованы были интеллектуальной элите московского общества, но, попав в московскую письменность, оказались в руках у менее взыскательного контингента потребителей. Начетчики с традиционными литературными интересами приспособили к ним полученную литературу. Свою задачу издатели видели в том, чтобы, через голову московских книжников, восстановить переводы «Логики» и «Тайной Тайных» в форме, максимально приближенной к западнорусским протооригиналам, какими они вышли из-под пера Захарии с присными. Посмотрим, насколько исследователям удалось достигнуть поставленной цели – создать по прямым и косвенным уликам реконструкцию памятников на славянском (западнорусском) языке, а отчасти и на еврейском. То, что опубликовано под общим названием «Логика жидовствующих», в действительности представляет собой

набор из трех памятников, бывших автономными в оригинале и отчасти сохранивших свой суверенитет на славянском. В усвоенной славянской письменностью «Книге глаголемой Логика» слиты переводы двух из них, а именно «Логических терминов» Маймонида (LM) и «Намерений философов» или «Теологии» мусульманского философа аль-Газали (ТА). Отдельно переписывался третий памятник – «Логика» того же аль-Газали (LA), которая, как доказывает Таубе, первоначально находилась на месте LM, но была заменена последней ввиду своей чрезмерной сложности. Аргументом в поддержку такого понимания эволюции двух памятников служат инкрустации, вставленные в текст LM из LA (The Logika, p. 59–60). Диптих из LM и ТА, с одной стороны, LA, с другой стороны, в отношении западнорусского родоначальника, до которого стремится докопаться издатель, обладают неравным статусом. LA для целей реконструкции вовсе не требуется препарировать. Ибо, в то время как диптих, за исключением неисправной рукописи ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 943, сохранился в московских списках, LA вообще не достиг Руси: памятник читался в единственном западнорусском кодексе XV в. из собрания Киевского Михайловского монастыря, № 493, пропавшем во время войны. На счастье, текст был достаточно аккуратно воспроизведен еще в 1909 г. [Неверов]. На этом основании Таубе при издании диптиха, в случае разногласий между списками, признает первичным чтение, соответствующее словарному составу LA. Он решается и на более смелые операции, заменяя иногда, сколько можно судить, без опоры на какие-либо списки, лексику диптиха (в том числе обиходную) смысловыми эквивалентами из LA (укоротали вм. прекратихомъ, нижаденъ вм. никоторои: The Logika, p. 202, 216). Эти манипуляции резко противоречат канонам текстологии, которая, прежде всего, рекомендует вносить конъектуры, исправляющие ошибки, а не улучшающие и без конъектур понятный текст. Если же конъектура неизбежна, предпочтение отдается *lectio difficilior*, каковым, в перспективе западнорусских лексических норм, будет именно московское, девиантное чтение. Не забудем, однако, что Таубе озабочен изданием реконструкции, а не созданием критического текста по общепринятым рецептам. Если бы речь шла об оформлении примечаний к критическому тексту, можно было бы предъявить к этим примечаниям довольно серьезную претензию – пропуск указаний, по какому списку (если не по волевому решению публикатора-реконструктора) произведена каждая из замен.

С точки зрения критики текста странно, что сводной публикации не предшествовала попытка восстановить генеалогию списков, среди которых нет ни одного ранее XVII в. Отсутствие хотя бы примерной поколенной их росписи порождает вопросы, на которые в издании Таубе нет ответов. Если цель работы заключается в воскрешении словесного оформления, какое свойственно было западнорусскому «праотцу» этой части «Логики», не мотивирована дискриминация единственного «южнорусского» (так он назван в описании) Синодального списка, содержащего LM + ТА, и выбор в качестве основных московских списков ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1146 и НИОР РГБ. Ф. 726 (Собр. И. К. Андропова). № 2. Выбор сделан на том только основании, что в них соблюдена последовательность разделов диптиха. Текстолог придрался бы и к иным деталям. Ясно, что списки из наиболее обширной группы, где разделы переставлены тождественным образом (1–4–5–3–2–6), находятся в родстве, но непонятно, восходят ли они все к одной из использованных рукописей или к общему утраченному протографу. То же самое касается маргинальных глосс, которые показывают, что какой-то вдумчивый читатель пытался осмыслить «Логикку», прибегая к терминологии, использованной в переводе «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Таубе несколько раз подчеркивает, что одни и те же глоссы копировались во всех списках (за исключением Синодального), но не указывает, откуда берет свое начало такой прием (The Logika, p. 58–59, 128). Кстати, издатель вообще недооценивает, сколь почитаем был на Руси трактат Дамаскина,

с которым работали выдающиеся писатели и книжники, среди них митрополит Даниил, князь Курбский, Иван Козырев, Сергей Шелонин. Взаимодействие переводов «Логики» (в объеме LM + TA) и «Диалектики» реализовалось еще и в том, что особую вопросо-ответную редакцию последней стали соединять с рассматриваемым переводом [Гаврюшин]. Кто и когда создал такую комбинацию, пока не выяснено, но на нее был спрос еще и в XVIII в., одним из свидетельств чего служит сборник РО ИРЛИ. Собрание ИМЛИ. № 15 с сочинениями по словесным наукам, среди прочего, с вопросо-ответной редакцией «Диалектики» и не учтенным в обсуждаемом издании списком «Логики». Внимательно читали в древности и самый текст «Логики»: в использованном Таубе кодексе Андропова после диптиха находится не отмеченная издателем важная статья, где опубликованный список сверялся книжником с другим, принадлежавшим какому-то Никанору («Сие списано с Никаноровы логики»).

По большому счету, все сказанное об издании «Логики» относится и к изданию «Тайной Тайных». Как и в «Логике», во главу угла поставлено там соответствие реконструированного текста еврейскому оригиналу. Но обойденные вниманием Райэна и Таубе нюансы в трансмиссии этого западнорусского перевода более заметны, чем аналогичные нюансы в судьбе списков «Логики», потому что «Тайная Тайных» чаще возбуждала интерес у средневековых книжников, а еще потому что рукописная традиция последнего произведения содержит на редкость благодарный материал для любителя текстологических головоломок. Дело в том, что перевод Захарии сохранился в неравноценных для восстановления архетипа списках: лишь один из них западнорусский, датирующийся второй половиной XVI в. и называемый обычно Виленским – V (хотя сейчас он находится в Национальной библиотеке Беларуси, № 096/276К). Все остальные списки в той или иной степени русифицированы, так что на первый взгляд мало дают, чтобы восполнить лакуны Виленского и помочь эмендации испорченных в нем чтений. Но даже поверхностная сверка текстов убеждает, что московские списки тоже открывают некоторые перспективы для того текстолога, который хотел бы уточнить наши знания о недостижимом западнорусском архетипе. Во-первых, выясняется, что процесс адаптации «Тайной Тайных» в московской письменности не был единовременным актом. Он прошел через несколько этапов, причем позднего участника процесса мы даже знаем по имени. В натурализации текста принял участие довольно плодовитый писатель последней четверти XVII в. Тимофей Каменевич-Рвовский [Буланин, Матвеева], который изготовил в 1685 г. один из самых исправных русифицированных списков перевода НИОР БАН. Собрание Археографической комиссии. № 97, предложив при этом собственные замены к остаткам «белороссийского диалекта» (такова формулировка копииста). Вопреки мнению издателей (The Secret, p. 71), его замены – вполне самостоятельный, хотя и тонкий слой, наложившийся на внедренные прежде русифицирующие эквиваленты (*увърили* вм. *заприсягали* V, *лишен* вм. *ущепень* V: The Secret, p. 88). Сравнивая наличные списки, мы имеем шанс через протографы каждого из этапов (слоев) добраться иногда до архетипа. Во-вторых, что не менее важно, русифицированные списки, хотя они, в конечном счете, производны от того же самого перевода Захарии и хотя они все моложе V (быть может, за исключением копии X. Бороу: Oxford. Bodleian Library. Laud Misc 45 [Ryan]), – эти списки восходят к отличному от V западнорусскому протографу (возможно, протографам). Доказательством служат чтения русских списков (всех или отдельной их группы), находящие соответствие в еврейском оригинале, но испорченные в V (*ненавидел* вм. *не видтъль*, *мгновенью* вм. *много веленью*: The Secret, p. 88). Реабилитировав таким образом собственно русскую традицию как инструмент восхождения к архетипу, текстолог не оставил бы без внимания не только все полные списки «Тайной Тайных», но и нередко встречающиеся в древнерусской письменности более или менее пространственные оттуда извлечения. Ведь в некоторых из них могли удержаться драгоценные отпечатки архетипа,

другие же, при сравнении с полными списками, помогли бы текстологу приблизиться к архетипу обходным путем. Среди прочих, достойны внимания и те фрагменты, которые были с именем Маймонида довольно рано вставлены в русские лечебники [Герасимова, Мильков, Симонов, с. 431–494], и те, которые использовались в компиляциях, сосредоточенных вокруг персоны Александра Македонского¹, в частности, в рукописях, по-разному соединяющих тексты из трех переводов – «Александрии», «Тайной Тайных» и «Троянской истории» Гвидо де Колумна (ср. особенно НИОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 749).

Как то было в книге, посвященной «Логике», в научном предисловии, предваряющем издание «Тайной Тайных», мы тщетно стали бы искать какую-либо классификацию списков, тем более попытку определить их взаимоотношение. Соответственно, нет критериев, по которым выбирались одни и отвергались другие списки, использованные для исправлений положенного в основу издания западнорусского списка V и для приведенных под строкой разночтений к этой уникальной рукописи. Если оценивать подготовленную Райэном и Таубе публикацию по меркам обычного критического издания, можно указать и на ряд других нарушений относительно правил, принятых для подобного рода книг. Здесь, как и в издании «Логике», последовательно пропускаются ссылки на источник исправлений, будь то чтение определенного списка или лексическая аналогия (если допустить, что такая манера вмешиваться в текст практиковалась при подготовке к печати «Тайной Тайных», как и «Логике»). Издатели не сочли даже нужным отметить, по какой рукописи восполнено утраченное в V начало текста и значительный по объему пропуск после л. 2². Или еще одно нарушение: иные списки (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 723 и 359) привлекаются от случая к случаю, причем принципы селекции нигде не оговорены. О наличии в первом из указанных списков некоторых значимых разночтений узнаём, только обратившись к изданию М. Н. Сперанского (*зъкрыми* вм. *зеркыми*, *ферузину* вм. *ферзину*: *The Secret*, p. 176, 178).

Прежде чем сформулировать окончательное суждение по поводу разбираемых книг, напомним еще раз, что мы имеем дело с реконструкциями, о чем в предисловии к «Логике» сообщено эксплицитно. В книге о «Тайной Тайных» соответствующая декларация отсутствует, до осознания того, что он держит в руках еще одну реконструкцию, читатель приходит интуитивно, самостоятельно вникая в текст. Издатели, надо думать, понимали, что тому, кто решится когда-нибудь заняться историей текста каждого из обсуждаемых памятников для критического издания, предстоит заново обращаться к спискам *de visu*, восстанавливая их генеалогию. Ибо рецензируемые издания не могут пособить в этом деле, потому что они не позволяют опознать индивидуальные чтения каждого из списков. Не следует вместе с тем абсолютизировать эффективность текстологических методов, особенно применительно к произведениям со столь сложной судьбой, как изданные Таубе и Райэном. Историк текста экстраполирует частные факты на целое, но надежность экстраполяции находится в прямой зависимости от специфики сравниваемых рукописных источников. То *Leitfehler* вообще отсутствуют, то (когда структура текста неустойчива) они симптоматичны только для отдельно взятой части памятника. Здесь и приходят на помощь нетривиальные методы, когда ученый движется не только от части к целому, но и в обратном направлении. Такова реконструкция, которая порой оказывается единственным средством, позволяющим не терять из поля зрения памятник как органическое целое. Разумеется, чем-то приходится жертвовать, поэтому

¹ По случаю исправим ошибку издателей (*The Secret*, p. 87, note 4), которая относится к статьям в рукописи НИОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 522, связанным с именем Александра Македонского, но, как сейчас установлено, не имеющим отношения к «Тайной Тайных» [Буланин].

² Ср.: *The Secret*, p. 84–86, 96–110 и [Сперанский, с. 135–137, 141–146]. Недостающий текст взят из рукописи НИОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 450.

в реконструкции неминуемо повышается роль субъективного фактора, когда, например, восстанавливая исконную форму, издатель волевым решением выбирает одно слово из двух семантически равнозначных. Реконструкция – это не только сухая наука, она сродни искусству, что великолепно продемонстрировали авторы рецензируемых публикаций: поскольку «Логика» и «Тайная Тайных» созданы в одной переводческой школе, издатели используют их, чтобы взаимно корректировать лексический состав каждой из реконструкций (используется также лексика Виленского ветхозаветного свода: Библиотека Вильнюсского университета. F19-262). Жаль только, что сценарий такой виртуозной игры нигде не прописан, и в результате отсутствие грани между дозволенным и запрещенным смущает заинтересованного читателя, ошеломленного иной раз смелостью издательских решений.

Всякий труд надлежит соизмерять с целями, которые ставили перед собой взявшиеся за этот труд. М. Таубе и В. Райэн хотели воссоздать книжные плоды творческого взаимодействия ученых евреев и христиан Великого княжества Литовского, рассчитывая тем самым придать бóльшую убедительность своей гипотезе о скрытых пружинах новгородско-московской ереси. Можно не соглашаться с гипотезой, но нужно признать, что соотносимые с ересью плоды книжных занятий в «переводческой школе Захарии» воссозданы блестяще. Фактически мы впервые прочли без запинки два важнейших памятника древнерусской письменности. О том, каких усилий это стоило ученым, препарировавшим текст памятников, дает представление подробнейший, почти пословный комментарий. Сейчас мы обсуждаем реконструкцию одних только славянских текстов. Но издатели предложили бóльшее, воссоздав по частям, где нужно – посредством обратного перевода, еще и еврейский оригинал (поскольку близких иноязычных аналогий к западнорусскому варианту «Тайной Тайных» не найдено, представление о еврейском оригинале дается средствами английского языка). Оценить эти реконструкции, параллельные рассмотренным выше, предстоит гебраистам.

Литература

- Буланин Д. М. К интерпретации символов Московского царства: (Александр Македонский как идеал правителя) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции. М., 2019. С. 38–39.
- Буланин Д. М., Матвеева Е. Н. Тимофей Каменевич-Рвовский // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 16–25.
- Гаврюшин Н. К. Вопросо-ответная редакция «Диалектики» // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 248–253.
- Герасимова И. А., Мильков В. В., Симонов Р. А. Сокровенные знания Древней Руси. М., 2015. 680 с.
- Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. 532 с.
- Неверов С. Л. Логика иудействующих // Университетские известия. Киев, 1909. № 8. С. 1–62.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. VIII, 460 с.
- Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата или Тайная Тайных. СПб., 1908. VIII, 318 с.
- Ryan W. A Russian Version of the *Secreta Secretorum* in the Bodleian Library // Oxford Slavonic Papers. 1965. Vol. 12. P. 40–48.
- Seebohm Th. Ratio und Charisma: Ansätze und Ausbildung eines philosophischen und wissenschaftlichen Weltverständnisses im Moskauer Rußland. Bonn, 1977. 766 S.
- Taube M. The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection? // *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. М., 2005. P. 185–208.

References

- Bulanin, D. M. K interpretatsii simbolov Moskovskogo tsarstva: (Aleksandr Makedonskii kak ideal pravatelya) [Towards the Interpretation of Muscovite Kingdom's Symbols: (Alexander the Great as an Ideal of Ruler)]. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2019. Pp. 38–39.
- Bulanin, D. M., Matveeva, E. N. Timofei Kamenevich-Rvovskii [Timothy Kamenevich-Rvovskii]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Issue 3. Part 4. Pp. 16–25.
- Gavryushin, N. K. Voprosy-otvetnaya redaktsiya "Dialektiki" [Question-and-Answer Variant of "Dialectics"]. In *Zapiski Otdela rukopisei GBL*. Moscow, 1987. Issue 46. Pp. 248–253.
- Gerasimova, I. A., Mil'kov, V. V., Simonov, R. A. Sokrovennye znaniya Drevnei Rusi [Esoteric Sciences of Old Rus]. Moscow, 2015. 680 p.
- Lur'e, Ya. S. Ideologicheskaya bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV – nachala XVI veka [Ideological War in Russian Polemical Literature from the End of the 15th up to the Beginning of the 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1960. 532 p.
- Neverov, S. L. Logika iudeistvuyushchikh [The Logic of the Judaizers]. In *Universitetskie izvestiya*. Kiev, 1909. No. 8. Pp. 1–62.
- Ryan, W. A Russian Version of the *Secreta Secretorum* in the Bodleian Library. In *Oxford Slavonic Papers*. 1965. Vol. 12. Pp. 40–48.
- Seeböhm, Th. Ratio und Charisma: Ansätze und Ausbildung eines philosophischen und wissenschaftlichen Weltverständnisses im Moskauer Rußland. Bonn, 1977. 766 S.
- Sobolevskii, A. I. Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov: Bibliograficheskie materialy [Translated Literature of Muscovite Russia of the 14th – 17th Centuries: Bibliographic Materials]. Saint Petersburg, 1903. VIII, 460 p.
- Speranskii, M. N. Iz istorii otrechennykh knig. IV. Aristotelevy vrata ili Tainaya Tainykh [From the History of Banned Books. IV. Aristotle's Gates or the Secret of Secrets]. Saint Petersburg, 1908. VIII, 318 p.
- Taube, M. The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection? In *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. Moscow, 2005. Pp. 185–208.

Dmitrii M. Bulanin

*Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

TURNING THE PAGES OF THE "TRANSLATIONS BY JUDAIZERS"

The long-awaited editions of the *Logika of the Judaizers* and of the *Secret of Secrets* have been published almost simultaneously. Both compositions have been translated from Hebrew into non standard Ruthenian. The specialists usually associate the demand for the translations with the 15th-century Novgorod and Moscow heretical movement ("Judaizers", as the accusers of heresy called their opponents). The editions are the final result of many years of work by such erudite scholars as M. Taube and W. Ryan. They have done a hard job trying to understand a very peculiar language of the compositions. The situation was complicated by the fact that none of the translations survived in their original form. Now published texts are in fact a couple of masterly made reconstructions. The books under discussion make two important pieces of West Russia's medieval literature readable for the first time.

Keywords: translations from Hebrew, heresy of "Judaizers", critical edition, principles of reconstruction

